

Профессора П. С. Лазарев и А. И. Федоров
Доценты Ф. Н. Бухтилов и П. И. Павлов

Директор Троицкой межсовхозной ветбаклаборатории М. С. Заслонов
Главный ветврач Брединского района Челябинской области Б. П. Плеханов

АТИПИЧНАЯ ФОРМА БЕШЕНСТВА У КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА*

В отдельных хозяйствах Южного Урала за последнее время появилось своеобразное заболевание крупного рогатого скота, характеризующееся поражением центральной нервной системы, быстрой течения и 100%-ной смертностью. В связи с тем, что при вскрытии трупов почти всегда обнаруживались острый катаральный абомазит и энтерит, а также дистрофия печени, ветеринарные специалисты на местах относили все эти случаи к отравлениям. В действительности же после всестороннего изучения данного вопроса оказалось, что подобного рода заболевания и смерть животных происходили от бешенства.

Клиническое проявление этой опасной болезни в наших условиях имеет существенное отличие от классической картины бешенства, описанной в существующих руководствах и монографиях, а также от тех особенностей, которые приводятся в сообщениях Радкевича (1959) и Драплюка (1960). Поэтому мы посчитали необходимым поделиться своими наблюдениями с тем, чтобы предостеречь ветеринарных специалистов от возможных серьезных ошибок в работе.

Наиболее обстоятельно нами изучена вспышка бешенства крупного рогатого скота в совхозе «Наследницкий» Челябинской области, где за январь—март 1961 года пало 17 и уничтожено 22 животных. Неблагополучным по заболеванию оказался гурт первотелок, размещенных на окраине села. Первый случай заболевания был зарегистрирован 4 января 1961 года. У заболевшей нетели отмечалось повышение температуры тела до 40°, слюнотечение,

*) В работе принимали участие вет врачи Г. П. Грибовский и А. В. Рыбакова.

Работа доложена на научной конференции Троицкого ветеринарного института 20.VI 1961 года.

мычание, повышенная половая возбудимость, отказ от корма и воды, дрожание мышц и ряд других симптомов. Через сутки животное пало.

В течение последующей недели с такими же признаками были выделены еще 13 животных, из них 8 заболели в один день. Из общего числа заболевших 8 нетелей пали в течение 1—2 суток, а 5 были вынужденно забиты.

Практические ветеринарные врачи, основываясь на данных клинических наблюдений и патологоанатомической картине, характеризовавшейся дистрофическими изменениями в печени и катаральным воспалением слизистой оболочки съчуга и тонкого отдела кишечника, пришли к заключению, что заболевание и гибель животных связаны с отравлением.

Этот диагноз был подтвержден Челябинской областной лабораторией, обнаружившей в содержимом желудочно-кишечного тракта павших животных гексахлоран.

При тщательном обследовании хозяйства нам не удалось обнаружить наличие гексахлорана или другого ядохимиката, который мог бы служить причиной отравления. Тем не менее, чтобы полностью исключить даже подозрение на отравление, неблагополучный гутр был переведен на другой хутор за 15 километров, где животные стали получать другие корма и пользоваться другим источником водопоя. Однако после этого заболевания и падеж не прекратились, в течение следующего месяца пало и было вынужденно забито еще 26 коров и нетелей.

Для лечения больных применялась глауберова соль, молоко, бициллин, норсульфазол, сыворотка против болезни Ауески и другие препараты, но безуспешно. Случаев выздоровления не наблюдалось. В связи с этим диагноз на отравление был взят под сомнение и высказано подозрение на бешенство.

В результате эпизоотологического обследования было установлено, что вспышке заболевания предшествовало появление на территории хозяйства диких лисиц и контакт с ними животных. Так, в ноябре—декабре 1960 года лисы часто забегали в деревню и даже во дворы граждан, вступали в драку с собаками, среди которых через 18—50 дней отмечались случаи заболевания и падеж. Ничего не подозревая, владельцы заболевших собак к ветработникам не обращались, пытались сами оказывать лечебную помощь, трупы же выбрасывались на свалку.

За 15—20 дней до заболевания нетелей на скотный двор, где они размещались, днем забежала лиса, которая там же была убита, но установить, нанесла ли она животным покусы, не удалось. Вполне возможно, что лисы проникали в помещение и раньше, но никто этого не видел. В том, что источником заражения послужили лисы нас убеждает необычное поведение их, а также тот факт, что заболевание нетелей и собак совпадали по времени, а по своему течению оказались во многом сходными.

Правильность высказанного подозрения на бешенство в дальнейшем была подтверждена биопробой на лабораторных животных и обнаружением телец Негри в аммоневых рогах и других участках головного мозга лабораторных животных после их смерти.

Клиническая картина болезни у крупного рогатого скота характеризовалась неестественным поведением. Вначале создавалось впечатление, что животные резвятся, бегают вокруг скирд, убегают в сторону и вскоре возвращаются обратно. Если в гурте заболевало одновременно несколько животных, то они обычно разыскивали друг друга, постоянно находились вместе и проявляли повышенную половую возбудимость. Вместе с тем наблюдалась какая-то назойливая привязанность больных животных к человеку, при этом сознание их было сохранено, а буйство и агрессивность отсутствовали. Больные животные не только не подходили, а порой бежали к людям, обнюхивали их, отчетливо реагировали на ласку, а при попытке отойти от них, назойливо следовали за человеком.

У всех больных появлялось обильное слюнотечение, зевота, поднимание верхней губы, дрожание мышц, периодическое как бы тревожное мычание (рев). По мере развития болезненного процесса мычание становилось все более и более частым и под конец хриплым. Аппетит и жвачка отсутствовали, но иногда животные брали в рот клочок сена, некоторое время держали его, не пережевывая, а затем выбрасывали. Отмечалась атония преджелудков. При даче воды животные охотно опускали лицевую часть головы в ведро, но воду не пили, так как акт глотания был нарушен.

В большинстве случаев отмечалось повышение температуры тела до 40—41° при нормальном пульсе (40—55 ударов) и учащенном дыхании (30—40 в минуту). Периодически наблюдались судорожные сокращения мускулатуры, падение на землю, при этом животные запрокидывали голову назад и совершали плавательные движения. Приступы вначале длились 10—15 минут, затем учащались и становились более продолжительными. Кроме того, у отдельных животных наблюдалась потеря чувствительности кожи на укол иглой, зуд носового зеркальца (2 случая), расширение зрачка (1 случай), извращенный аппетит (1 случай), гематурия (1 случай). Явлений буйства и выраженной агрессивности по отношению к человеку и животным ни в одном случае не наблюдалось.

Болезнь протекала остро и обычно заканчивалась гибелью через 1—2 суток после начала заболевания. Только в 3 случаях смерть наступила через 3—5 дней.

При патологоанатомическом вскрытии во всех случаях обнаруживались дегенеративные изменения в печени, катаральное воспаление слизистой оболочки кишечника и сычуга, местами с кровоизлияниями и наличием эрозий, переполнение книжки сухими кормовыми массами, гиперемия почек. Мочевой пузырь обычно был пуст (в одном случае катарально воспален). Иногда наблюдался

отек легких и кровоизлияния под эпикардом. Сосуды головного мозга, как правило, были инъецированы. У 7 животных наблюдалось кровоизлияния в головном мозгу.

При бактериологическом исследовании материала от 5 павших животных патогенная микрофлора не была выделена, не были обнаружены и тельца Негри.

Биопроба, проведенная на 7 лабораторных животных (кошках, кроликах, морских свинках), в четырех случаях дала положительный результат на бешенство. Первой заболела кошка на 30-й день после внутримышечного заражения ее эмульсией головного мозга, взятого от одной из павших нетелей. У подопытной кошки отмечалась буйная агрессивная форма болезни. Кошка пала на третий день при явлениях параличей. В головном мозгу у нее были обнаружены тельца Негри и явления нерезко выраженного острого негнойного энцефалита.

Кролик заболел на 20-й день после внутримозгового заражения. Болезнь у него сопровождалась явлениями параличей. Морская свинка, зараженная внутримышечно той же эмульсией, что и кролик, заболела на 26-й день; у нее наблюдалось истощение, отказ от корма, угнетение, писк. При исследовании ее головного мозга были обнаружены тельца Негри. Такую же клиническую картину болезни (параличи) проявил и кролик на 24-й день после заражения его эмульсией из мозга от павшей в этом хозяйстве собаки.

Кроме того, положительный результат биопробы нами был прослежен в естественных условиях при следующих обстоятельствах. В изолятор вместе с здоровой первотелкой, у которой накануне отмечалось только некоторое повышение температуры тела, была поставлена больная нетель, которая, проявляя повышенную половую возбудимость и назойливость, беспрерывно стремилась облизывать и сосать половые губы здоровой нетели. Это приводило к их ослаблению, мацерации и травмированию. Вскоре большая нетель пала, а здоровая, контактировавшая с ней, через 10 дней нормально отелилась, но спустя 4 дня заболела, проявив такую же клиническую картину и на 3-й день пала. Теленок после облизывания коровой был отделен и выпаивался молозивом матери, а затем—молоком других коров. В 47-дневном возрасте этот теленок заболел, причем у него наблюдались такие же признаки болезни, как и у коровы-матери. На 2-й день после появления клинической картины теленок пал. Имел ли место в данном случае внутриутробное заражение или последнее произошло в результате облизывания теленка или через молоко коровы-матери, решить трудно, но тем не менее сам по себе этот факт заслуживает внимания.

В связи с отсутствием агрессивности, параличей и быстрой течения болезни диагноз на бешенство был поставлен несвоевременно, поэтому к проведению антирабических мероприятий в хозяйстве приступили с большим опозданием. В частности, семикратная прививка животных неблагополучного гурта сухой антирабической вакциной была проведена лишь через месяц после

начала заболевания. В период проведения прививок заболело и пало 2 нетели, а через 20 дней после вакцинации—еще одна (она пала на 6-й день болезни). После этого заболевание животных прекратилось.

С такими же признаками, которые описаны выше, бешенство протекало в 1961 году в ряде хозяйств Челябинской, Курганской и Кустанайской областей, находившихся друг от друга на большом расстоянии. При тщательном эпизоотологическом изучении этих вспышек почти во всех случаях устанавливалась связь с лисами. Что касается клинических проявлений, то в дополнение к сказанному у отдельных больных животных в этих хозяйствах наблюдались: полная потеря чувствительности со стороны нервных окончаний кожи и частые тенезмы. Из 88 животных, находившихся под наблюдением, явления агрессивности были обнаружены лишь у 9, главным образом у бычков.

При исследовании патматериалов, доставленных в лабораторию из различных неблагополучных хозяйств, тельца Негри в клетках головного мозга были обнаружены в 3 случаях из 10.

ВЫВОДЫ

1. Бешенство у крупного рогатого скота может протекать без симптомов выраженной агрессивности и завершаться летальным исходом в течение 1—2 дней. При таком течении болезни в головном мозгу павших животных обнаружить тельца Негри в большинстве случаев не удается. Достоверность диагноза в этих случаях может быть подтверждена биологической пробой.

2. В изученных нами случаях главную роль в распространении бешенства играли лисы, и может быть, ряд других диких плотоядных и грызунов.

3. Необычное течение бешенства у крупного рогатого скота, по-видимому, связано с изменением свойства вируса бешенства в результате многократного пассажирования его в естественных условиях через организм лис и других диких животных.

4. Своевременное проведение антирабических прививок в неблагополучных хозяйствах прекращает заболевание.

5. В целях профилактики бешенства на неблагополучных по бешенству территориях должны быть предприняты широкие мероприятия по отстрелу лис, волков, корсаков и истреблению грызунов.

6. При появлениях в хозяйствах среди крупного рогатого скота заболевания, совпадающего по своей клинической картине с вышеописанным, необходимо особенно внимательно изучать и анализировать эпизоотологические данные (необычное поведение лис, контакт с ними домашних животных и т. д.), что будет иметь важное значение в постановке правильного и своевременного диагноза. В случае возникновения сомнений или разногласий следует обязательно проводить биологическую пробу на лабораторных животных.